

**ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА
В РЕГУЛИРОВАНИИ
ВОПРОСА
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ
ИНДИВИДОВ**

В последнее время с нарастанием новой ступени общественного развития, которая характеризуется глобальным объединением экономических, политических, сырьевых, финансовых ресурсов человечества, не последнюю роль в этом отношении стали играть правовые нормы, устанавливающие объем правовых возможностей человека как физического лица, его прав и обязанностей, что делает его полноценным участником правоотношений, складывающихся во всех сферах жизни общества и государства. При этом роль субъективных факторов увеличивается по мере развития интеграционного процесса, поскольку процесс интеграции опосредован деятельностью ее субъектов, которые могут ускорить либо замедлить ее развитие. Смещение акцентов в правовом регулировании общественных отношений к интересам личности способствует возрастанию роли не только национальных правовых отраслей в правовой системе РК, но и вполне закономерно влечет повышению интереса научной общественности к теоретическим проблемам, касающимся международного права, к которым, несомненно, относятся проблемы международной правосубъектности индивида. Как справедливо отмечал В.П. Тугаринов, «в обществе ничего не осуществляется без деятельности людей. Объективный характер законов общества не исключает деятельности людей, ибо эта деятельность превращает возможность в действительность» [1].

Таким образом, тенденции развития международного права связаны не только с регулированием многообразных отношений между государствами, но и с усилением роли человека, который стал одним из участников международных отношений. Так, по мере развития международного права и межгосударственных отношений объем прав и обязанностей индивида увеличивается, а его роль на международной арене возрастает. Как следствие, на фоне этого наблюдается особый интерес к проблеме определения международной правосубъектности индивида в международном праве, который до сих пор остается одним из спорных в международно-правовой науке. В контексте сказанного актуализируется вопрос дальнейшей трансформации действующего международного права, которое в последнее время характеризуется расширением и углублением сферы регулирования и, как следствие, вовлечением новых лиц в международно-правовые процессы [6].

Анализ эволюции международного права до настоящего показывает прогрессивную тенденцию к расширению перечня ее субъектов. Первоначально в идеях так называемых «отцов-основателей» международного права, Франсиско де Витория, Франсиско Суареза, Гуго Гроция, существование универсального сообщества физических лиц было поддержано тем, что именно человек был определен в качестве ориентира прав и обязанностей [2].

Исследования в этом направлении проводились, в частности, в начале XIX века представителями позитивизма, которые считали, что государства являются единственными субъектами международного права. В то же время у Ф.Ф. Мартенса имеет место такая категория, как «субъекты прав в области международных отношений», куда входили: общественные группы, товарищества, признанные законно существующими в своих государствах. Каждое лицо, по его мнению, независимо от своего подданства или национальности, находит в настоящее время покровительство своей личности и собственности на всем пространстве действия международного права. Ф.Ф. Мартенс под понятием «субъекты прав в области международных отношений», по сути, подразумевал бенефициариев (пользователей) [3].

В XX веке появляется теория естественников, к ним относятся такие авторы, как Жорж Скелле и Леон Дюги, которые утверждали, что только люди могут быть субъектами права, что государство как личность продукт вымысла, единственной реальностью того является частное лицо, отнесенное к индивидуальным и межстрановым индивидуальным отношениям на основе так называемой «социальной солидарности». Так что международные отношения становятся отношениями между отдельными лицами и группами лиц, государство не является ни юридическим лицом и ни независимой персоной, но исторический продукт социальной дифференциации между классами тех, кто управляет, и тех, кто регулирует, этими лицами есть и не существует определенный человек, существует только федерализм классов [4]. Эта теория была отвергнута Х. Трипелем, Д. Анцилотти, Г.Ф. Филиморе и другими позитивистами. По этому поводу Нойес и Янис подытожили, что «классический закон народов XVII и XVIII веков обеспечил физических лиц юридическими правами и обязанностями, но узкая позитивистская доктрина XIX-х и ранних XX-х веков рассматривала людей как простых объектов международного права» [5]. Начиная с послевоенного периода в теории меж-

дународного права допускаются деление субъектов, произошла маргинализация роли личности в традиционном международном праве и позиция индивида в международном праве начала меняться с середины XX-го века. Особенно тогда, когда вопрос об ответственности лиц за нарушение международного права начал решаться в относительно новой отрасли международного права: международного уголовного права [6].

Английский ученый Г. Лаутерпахт в 1950 г. в изданной в Лондоне книге «Международное право прав человека» отмечал, что в международном праве отсутствуют нормы, которые препятствовали бы индивидам приобретать права, предоставляемые обычным или договорным международным правом. Позднее, в 1980 г., уругвайский юрист Э.Х. Аречага, являвшийся в течение ряда лет председателем Международного Суда ООН, высказывая подобную мысль, признавал возможность предоставления межгосударственными договорами индивидам определенных прав, а также международных средств защиты этих прав. По его словам, «реальным доказательством международной правосубъектности индивида явилось бы предоставление ему не только определенных прав и привилегий, но и средств для обеспечения их принудительного осуществления и соблюдения, а также возможности защиты этих прав от своего собственного имени, без посредничества государства» [7].

В советской науке исследования в этом направлении проводились, в частности, представителями Казанской школы международного права в 70-х годах прошлого столетия. Так, все больше представителей российской науки международного права (К.А. Бекяшев, Н.В. Захарова, Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Р.А. Мюллерсон и др.) склоняются к точке зрения, согласно которой, наряду с традиционными субъектами международного права и иные лица, в частности индивиды, рассматриваются в качестве субъектов международного права.

Как известно, классификация субъектов международного права возможна по различным критериям (к примеру, по обладанию суверенитетом, по происхождению правосубъектности, по участию в нормотворческом процессе и т.п.). В свою очередь, предлагалось, в качестве одного из вариантов классификации делить субъектов также по такому критерию, как степень признанности в качестве субъекта международного права, при этом можно выделить следующие группы субъектов международного права: «традиционные» – это государство; народы (нации); международные межправительственные органи-

зации; государственноподобные образования и «нетрадиционные» – индивиды; международные неправительственные организации; ТНК [8].

Несмотря на то, что исследования по этому вопросу проводились несколько десятилетий, оно не теряет своей актуальности и сегодня. Особенно после подписания Парижской хартии для новой Европы 21 ноября 1990 г., открывшей новую эпоху в международных отношениях, которое ознаменовалось определенными изменениями в международной жизни, гуманизацией международных отношений, что привело к порождению к дальнейшему исследованию вопроса правосубъектности индивидов.

Общеизвестно, правосубъектность в международном праве можно рассматривать в двух аспектах: как качественную характеристику (свойство) субъекта международного права и как элемент системы международного права. Международная правосубъектность – это качественная характеристика субъекта международного права, выражающаяся в способности лица быть субъектом международного права. Она находит свое выражение (проявляется) в совокупности прав и обязанностей субъекта международного права, иначе говоря, содержание международной правосубъектности образуют основные права и обязанности такого субъекта, вытекающие из международно-правовых норм. Правосубъектность включает в себя правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Современному международному праву неизвестна категория недееспособных или ограниченно дееспособных субъектов, поэтому для субъектов международного права характерно органичное сочетание право- и дееспособности и деликтоспособности [9].

Таким образом, можно заявить, что во второй половине XX века произошел значительный прогресс в отношении статуса физических лиц, в частности в развитии, достигнутый международным сообществом с точки зрения легализации прав человека и основных свобод человека, и принятие международных и региональных механизмов, которые защищают эти права и обеспечивают их, что позволяет говорить о достижении прямой и эффективной защиты прав для человека. Разумеется, что перечислять все этапы этого развития не являются нашей целью, лишь отметим, что исследование данного вопроса о международной правосубъектности индивида рассматривается не только на доктринальном уровне, но и существует целый ряд международных норм по правам человека, механизмов их обеспечения, регулирующих правосубъектность индивидов в широком смысле слова. Так

как рост сотрудничества государств в области прав человека как на универсальном, так и на региональном уровнях увеличивает объем прав, предоставляемых индивиду различными международными соглашениями. Наличие у индивида прав и обязанностей в силу норм международного права, их защита в международных судебных и несудебных органах, а также способность нести ответственность за нарушение принципов и норм международного права определяются международными и внутригосударственными актами.

Различные универсальные (Устав Организации Объединенных Наций; Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. и др.) и региональные (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.; Американская конвенция по правам человека от 22 ноября 1969 г.; Африканская хартия прав человека и народов, от 26 июня 1981 г.) международно-правовые документы предусматривают нормы, предоставляющие индивиду международные права. Многообразие таких норм позволяет классифицировать их на «основные» и «непосредственные». Целью всех этих универсальных по характеру международно-правовых актов не является создание всеобъемлющей системы защиты прав человека, а только обеспечение некоторых конкретных прав индивида [10]. Основные права и свободы составляют фундамент правового статуса индивида, на них покоится возможность возникновения остальных прав, необходимых для нормальной жизнедеятельности человека. Что же касается роли международных договоров в непосредственной регламентации индивидуальных прав и свобод, то можно констатировать неуклонное расширение круга международно-правовых норм, предоставляющих индивидам юридические возможности «право на правовую защиту». Право обращения отдельных лиц в соответствии с международными договорами в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, с чем связаны соответствующие правоотношения этих лиц с наделенными необходимой компетенцией органами, сегодня признается как международно-правовыми актами, так и Конституцией Республики Казахстан. Ведь международно-правовые акты о правах человека являются важным источником законодательства Республики Казахстан. В Конституции РК пря-

мо закреплено, что Республика Казахстан уважает принципы и нормы международного права (статья 8) Конституция Республики Казахстан признала естественный характер прав человека, закрепив положения о том, что «права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми» (пункт 2 статьи 12). Конституция закрепила практически весь комплекс прав и свобод человека, содержащихся во Всеобщей декларации и в обоих Пактах о правах человека [11].

Конституция Республики Казахстан 1995 года воплотила широкий перечень прав и свобод человека, который формировался под воздействием международных стандартов в сфере прав и свобод и законодательства демократических государств. В Конституции воплощены не только общепризнанные принципы и нормы международного права, фундаментальные права и свободы человека, но и идеи свободы личности. Учитывая, что 40 из 98 статьи Основного Закона посвящены основам правового статуса личности, можно отметить, что Конституция Казахстана принята и действует, прежде всего, для закрепления основ правового положения человека и гражданина. Главным, определяющим критерием ее демократической сущности является конституционное закрепление свободы личности, ее защищенности от произвола. Законодательство Республики Казахстан как полноправного члена международного сообщества в полной мере должно соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным обязательствам, взятым нашей республикой в области прав человека [12].

Возрастает число договоров, содержание которых касается обеспечения прав человека в таких сферах деятельности, как гражданские, семейные, трудовые и тому подобные правоотношения, правоотношения в связи с оказанием правовой помощи, в области образования, налогообложения, социального обеспечения, а также правоотношения, гарантирующие защиту жертв войны в период вооруженных конфликтов. Так, договоры о правовой помощи по гражданским, семейным делам конкретно определяют правомочия индивидов (резидентов и нерезидентов). В договорах об избежании двойного налогообложения доходов и имущества отмечается, что они применяются к лицам, перечень которых здесь же уточняется. В Женевских конвенциях о защите жертв войны и в дополнительных прото-

колах к ним прямо говорится об их применении ко всем лицам (*ration personae*), которые находятся под защитой этих документов.

Нынешнее состояние международного права позволяет констатировать прямое включение в договоры норм, ориентированных на индивида. Они касаются как устанавливаемых договорами прав человека, так и его обязанностей и ответственности. Как говорилось ранее, первичными были как раз нормы об ответственности; конкретно речь шла о международной уголовной ответственности определенных лиц за военные преступления, за преступления против мира и человечности. Однако, как пишет Мамедов А.А., «в условиях глобализации «право становится все более сложной системой, и предусмотреть все в законах невозможно» [13], поэтому в настоящее время можно говорить только о ранней стадии развития международных механизмов по защите и реализации прав человека. Это связано с тем, что сейчас происходит становление современного международного права, поскольку до конца не разработаны и не признаны меры международной ответственности, еще сильно влияние классического международного права, имевшего такие институты, как «гуманитарная интервенция», «защита меньшинств» и другие институты [14]. По мнению Ж.Д. Бусурманова, чрезмерное и все подавляющее увлечение только лишь правами и свободами в ущерб обязанностям и ответственности личности способствовало формированию эгоистического индивидуализма [15].

Таким образом, индивид является субъектом международного права с ограниченным объемом правоспособности в силу обладания международными правами и обязанностями по международному праву, наличия у него международной процессуальной правоспособности, а также способности нести международную ответственность за нарушение международных норм и принципов.

В широком понимании, существенные перемены в самой структуре международных отношений, и соответственно, в предмете международно-правового регулирования побуждают теорию международного права к изменению или, можно сказать, к пересмотру взглядов при оценке понятия и видов субъектов международного права и при этом, как подчеркивают ученые, «нет ничего неожиданного или противоестественного в эволюции самих международных отношений и перемене подхода к их субъектам» [16 с. 11].

Литература

- 1 Тугаринов В.П. Законы объективного мира, их познание и использование. – Ленинград, 1955. – С. 12-13.
- 2 Francisco de Vitoria: «Relecciones Teologicas» (1538-1539); Francisco Suarez: De Legibus ac Deo Legislatore (1612); Hugo Grotius: «De jure belli ac pacis» (1625).
- 3 Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб., 1887. – Т. I. – С. 324.
- 4 Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб., – 1887. – Т. I. – С. 325.
- 5 Марк В. Дженис и Джон Э. Нойес, Случай и Комментарий относительно Международного права, 3-я редакция. – Сент-Пол, Миннесота: Томпсон Вест, 2006. – С. 339.
- 6 Novotná , Kateřina Immunities ratione personae and ratione materiae before international criminal courts – Charles Taylor case Date: 2009URI: <http://hdl.handle.net/2160/4684>
- 7 Хименес де Аречага Э. Современное международное право. – М., 1983. – С. 259–260).
- 8 Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории) / отв. ред. Д.И.Фельдман. М., 1971; Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. Казань, 1974; Курдюков Г.И. Государства в системе международного правового регулирования. – Казань, 1979.
- 9 Мамедов У.Ю. Международная правосубъектность в системе международного права // Вестник научных трудов. Вып. 3. Ч.3. Вопросы правообразования. – Нижнекамск, 2001. – С. 30-37.
- 10 Байдельдинов Д.Л., Буkenbaev P.M. ООН и контрольные механизмы защиты прав и основных свобод человека // Журнал Вестник КАЗНУ, серия международные отношения и международное право. – С. 105-109
- 11 Сапаргалиев Г.С. Основы государства и права Казахстана. – Алматы, 1998. – С. 68.
- 12 Нусупбекова А.Н.<http://lawtheses.com/konstitutsionno-pravovaya-politika-respubliki-kazahstan-v-sfere-zaschity-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina#ixzz3XLUpNoUe>
- 13 Мамедов А.А. Журнал Международное публичное и частное право. – 6(81). – 2014. – С. 15; Лукашук И.И. Глобализация и право // Государство и право. – 2005. – №12. – С. 113.
- 14 Vincent R.J. Order in International Politics // Order and Violence. Hedley Bull and International Relations / Edited by R.J. Vincent and J. D.B. Miller. – Oxford: Clarendon Press, 1990. – P. 57.
- 15 Бусурманов Ж. Права человека и евразийский фактор. Central Asia Monitor. 2 декабря 2005. – №48(51). – С. 7.
- 16 Мамедов У.Ю. Международная правосубъектность: основные тенденции развития: автореферат дисс.канд. юрид. наук. – Казань, 2002. – С. 11.

References

- 1 Tugarinov V.P. Zakony ob'ektivnogo mira, ih poznanie i ispol'zovanie. – Leningrad, 1955. – S. 12-13.
- 2 Francisco de Vitoria: «Relecciones Teologicas» (1538-1539); Francisco Suarez: De Legibus ac Deo Legislatore (1612); Hugo Grotius: «De jure belli ac pacis» (1625).
- 3 Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov. – SPb., 1887. – T. I. – S. 324.
- 4 Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov. – SPb., – 1887. – T. I. – S. 325.
- 5 Mark V. Dzhenis i Dzhon Je. Nojes, Sluchai i Kommentarij otositel'no Mezhdunarodnogo prava, 3-ja redakcija. – Sent-Pol, Minnesota: Tompson Vest, 2006. – S. 339.
- 6 Novotná , Kateřina Immunities ratione personae and ratione materiae before international criminal courts – Charles Taylor case Date: 2009URI: <http://hdl.handle.net/2160/4684>
- 7 Himenes de Arechaga Je. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo. – M., 1983. – S. 259–260).
- 8 Mezhdunarodnaja pravosub#ektnost' (nekotorye voprosy teorii) / отв. red. D.I.Fel'dman. M., 1971; Fel'dman D.I., Kurdjukov G.I. Osnovnye tendencii razvitiya mezhdunarodnoj pravosub#ektnosti. Kazan', 1974; Kurdjukov G.I. Gosudarstva v sisteme mezhdunarodnogo pravovogo regulirovaniya. – Kazan', 1979.
- 9 Mamedov U.Ju. Mezhdunarodnaja pravosub#ektnost' v sisteme mezhdunarodnogo prava // Vestnik nauchnyh trudov. Vyp. 3. Ch.Z. Voprosy pravovedeniya. – Nizhnekamsk, 2001. – S. 30-37.
- 10 Bajdel'dinov D.L., Bukenbaev R.M. OON i kontrol'nye mehanizmy zashhity prav i osnovnyh svobod cheloveka // Zhurnal Vestnik KAZNU, serija mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo. – S. 105-109
- 11 Sapargaliev G.S. Osnovy gosudarstva i prava Kazahstana. – Almaty, 1998. – S. 68.
- 12 Nusupbekova A.N.<http://lawtheses.com/konstitutsionno-pravovaya-politika-respubliki-kazahstan-v-sfere-zaschity-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina#ixzz3XLUpNoUe>
- 13 Mamedov A.A. Zhurnal Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 6(81). – 2014. – S. 15; Lukashuk I.I. Globalizacija i pravo // Gosudarstvo i pravo. – 2005. – №12. – S. 113.
- 14 Vincent R.J. Order in International Politics // Order and Violence. Hedley Bull and International Relations / Edited by R.J. Vincent and J. D.B. Miller. – Oxford: Clarendon Press, 1990. – P. 57.
- 15 Busurmanov Zh. Prava cheloveka i evrazijskij faktor. Central Asia Monitor. 2 dekabrja 2005. – №48(51). – S. 7.
- 16 Mamedov U.Ju. Mezhdunarodnaja pravosub#ektnost': osnovnye tendencii razvitiya: avtoreferat diss.kand. jurid.nauk. – Kazan', 2002. – S. 11.